

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Пол РОЗЕН (1936–2005)

Доктор философии, профессор.

Александр КАНТОР
(перевод)

Кандидат исторических наук,
тренинг-аналитик, супервизор по версии
Европейской Конфедерации Психоаналитических Психотерапий
(ЕКПП/ЕСРР, Wien, Austria).
125319, Российская Федерация, Москва, ул. Усиевича, д. 17, кв. 3;
e-mail: sa_cantor@inbox.ru

КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ ФРЕЙД? БЫЛ ЛИ ОН ХОРОШИМ ПАРНЕМ?*

От переводчика

Пол Розен – известный американско-канадский политолог, историк философии и психологии, автор более десятка монографий и множества статей, также издатель

* Roazen Paul. What sort of person was Freud? Was he a nice guy? // New Analysis. 1999. P. 30–40.

и публикатор материалов по истории психоаналитического движения и биографии Зигмунда Фрейда на Западе. Доктор философии, профессор социальных и политических наук, преподавал в Гарвардском, Оксфордском, Чикагском, Кембриджском (США) и Торонтском (Канада) университетах.

Содержание данной статьи тесно примыкает к изданной в нашей стране самой известной книге П. Розена «Фрейд и его последователи» (1976; в переводе Вл. Старовойтова (2005)). В её основе большое число архивных документов, материалы сотен интервью у выживших друзей, родственников, коллег и пациентов З. Фрейда. Сама Анна Фрейд предоставила Розену доступ к архиву Британского психоаналитического института. Эта книга не просто дополняет обстоятельный труд официального биографа Фрейда Э. Джонса (во многом апологетический); Розен затрагивает и исследует неприглядные и достаточно болезненные аспекты личной и научной биографии Фрейда, а также отношений между психоаналитиками его ближайшего круга. Практически этому же посвящена и данная статья, на основе которой П. Розен сделал несколько докладов на международных конференциях, один из которых я слушал и получил письменное разрешение на перевод. Новаторским является и подход автора к возникновению психоанализа, включение в число его источников памятников мировой философской и политической, даже юридической мысли.

Я познакомился с Полом на 41-м Конгрессе Международной Психоаналитической Ассоциации в Чили в 1999 г., встречался позднее за границей, переписывался с ним, получал от него его труды; опубликовал воспоминания о встречах с ним. В кругах западных психоаналитиков П. Розен имел репутацию «контроверзного» психоаналитического автора, конечно же, по причине отсутствия трепета перед культовыми фигурами психоанализа, включая самого Фрейда. А в моей памяти Пол остался светлым, гармоничным, по-интеллигентному обаятельным человеком, открытым к общению, с искренним интересом к любому собеседнику. Я всегда буду помнить его.

Ключевые слова: психоанализ, Зигмунд Фрейд, личностные черты, культурный круг, бессознательное, человеческая природа, греховность, терапия, англо-американская ментальность, континентальная философия

Ответ на вопрос в названии статьи неоднозначен. Начнём с ответа на другой вопрос. Стоит ли нам – в земной жизни – ожидать или желать, чтобы кто-либо, рождённый не ранее 1856 г.¹, соответствовал – сходным с нашими – стандартам? Одна из специфических задач историка – позволить людям вернуться в эпоху, отличную от той, в которой мы проживаем. Нам следует понять, что прошлое связано с нынешним днём, не исключая различий с этим прошлым. Есть определённый анахронизм в том, чтобы некая историческая фигура воплощала то, что мы одобряем в наши дни. И всё же, некоторое типичное для современности и тем самым внеисторическое обнажает прошлое, представляя его различным, несравнимым, интересным и даже назидательным. Несмотря на отличия времён, крупные мыслители прошлого в чём-то наши современники. Они

¹ 1856 – год рождения Зигмунда Фрейда.

обращаются к нам сквозь столетия, их слова, мысли, идеи бросают вызов и продолжают жить в настоящем. Жизненность исторического сочинения не означает принятия всего, что было сказано; существует выбор того, что касается нас непосредственно. И как не обойтись без определённой доли недоверия, мы также даём волю нашему воображению, дабы не упустить принципиальные вопросы, поставленные мыслителями в ранние эпохи. Итак, помещая исследователя в некий культурный контекст, следует уклоняться от представления о превосходстве стандартов нашего мышления над предшественниками. У настоящего есть преимущество ретроспекции, что не ограничивает нас в познании вероятности хода событий. Прошлое содержит иные социальные условия и ценности, также для нас необычные; и без расширения наших горизонтов в изучении истории нам не обойтись. Социальные пророки, однако, существуют, и они предсказывали будущее. Некоторые довольно точно указывали на возможности расового и гендерного равенства. Их догадки позволяли предвидеть прогрессивные изменения в ряде стран в течение полутора столетий. Так, в своё время Эдмунд Бёрк², видный консерватор, конкретно предсказал ход Французской Революции. Его антагонист Том Пэйн³ защищал демократические идеалы в интересах народа, которые привлекательны и в наши дни. И совсем немногие могли бы оспаривать непривычную для того времени глубину и точность размышлений Бёрка. Но даже такой памфлетист, как Пэйн, упускал всю полноту аргументации Бёрка, которая была достаточно убедительной и предвидевшей торжество присущего Французской Революции насилия. К XX столетию история с трудом продвигалась в сторону идей Просвещения и этической толерантности, за которые ратовал Пэйн.

Это столетие оказалось одним из самых кровавых в истории по причине войн и преступлений Гитлера, Сталина, Пол Пота, Мао Цзедуна и других тиранов. И Фрейд усмотрел начало худшего, что могло произойти. В годы Первой мировой войны он чётко осознал, что демократические идеалы самоуправления свободных личностей, провозглашённые в XIX столетии, погружались в пучину зверства современной войны, захватившей гражданское население и массовую пропаганду. Весной 1933, когда германские нацисты начинали публично сжигать книги Фрейда, он, как говорили,

² Бёрк Эдмунд (*Burke Edmund*) (1729–1797) – англо-ирландский парламентарий, политический деятель, публицист эпохи Просвещения, родоначальник идеологии консерватизма. Бёрк был сторонником укрепления добродетелей в обществе и важности религиозных институтов для моральной стабильности и блага государства, в то время как революция разрушает ткань «хорошего общества» и традиционных институтов государства и общества. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

³ Пэйн Томас (*Pain Thomas*) (1737–1809) – американский политический деятель английского происхождения, философ, политический теоретик и революционер. Принимал участие в американской и французской революциях. Его идеи отражали идеалы транснациональных прав человека эпохи Просвещения, включая республиканизм, веру в неизбежность научного и социального прогресса и приверженность свободному рынку, общему благу, индивидуализму, общечеловеческому равенству.

иронически прокомментировал: «Каков прогресс нами достигнут. В Средние века они бы сожгли меня, сегодня им достаточно сжечь мои книги». Фрейд имел довольно мрачный и стоический взгляд по поводу человечества. И, как минимум однажды, сослался на древнюю максиму “*Nomo homini lupus*” (человек человеку волк). Он с определённым скепсисом относился к природе человека, способной творить ужасные вещи. Его концепция бессознательного, будучи центральной в понимании психологии, зиждилась на мнении о присутствии в нас некоего адского радикала (a kind of hellishness). Так что Фрейд имел репутацию великого «демаскиратора» (great unmasker), которого было далеко не просто принять носителям высоких принципов морали. Благочестивые намерения могут, в конце концов, привести к худшим социальным жестокостям. Резюмируя сказанное, вряд ли будет правильным считать Фрейда поклонником человечества или как-то ещё иначе. Поскольку мы начали с вопроса – был ли Фрейд «хорошим парнем» (или «приятным человеком» (nice guy)), очевидно, что неверно судить о нём, следуя нашим общепринятым принципам правоты-неправоты. Конечно, может быть трудным и неприемлемым для отдельного человека принять силу критики Фрейдом многих этических убеждений. Некоторые из наших строгих принципов оказались под угрозой. Однако мы отнюдь не обязаны во всём соглашаться с Фрейдом. Но, я думаю, нам следует обратить внимание на смелость творческого духа Фрейда-исследователя. Несомненно, Фрейд относился к тем, кого именуют реалистами, не разделяющими этикета благочестивого пустословия. Я считаю, это не исчерпывает суть дела. Фрейд был глубоко копающим мыслителем, способным подорвать привычные представления, что является вкладом в интеллектуальную историю. Среди прочего, он бросил вызов существенным принципам христианства. И, более того, публично критиковал известную максиму: «Люби ближнего как самого себя». (Его письма, писавшиеся им в течение всей жизни и превышающие по объёму опубликованные труды, которые когда-нибудь будут полностью напечатаны, также откроют тонкие мотивы фрейдовского морализма.) Критика Фрейдом Нагорной проповеди, возможно, не бесспорна, и нам отнюдь не следует её принимать безоговорочно; но также не стоит забывать, что Фрейд является частью наследия западной мысли, в своём стремлении идти до конца в анализе этических идеалов. Его концепция присущего человеку бессознательного гомосексуализма также пример беспокойного в своих поисках разума. Фрейд полагал, что психоанализ сумеет выработать новые моральные стандарты. Я воспринимаю Фрейда как крупнейшего разоблачителя. Ибо он указывал на далеко не безобидные, тревожащие факторы природы человека. Он полагал, что, среди прочего, люди способны на парадоксальные и разочаровывающие поступки. Фрейд любил цитировать шекспировского Гамлета: «На свете есть многое, Горацио, что не снилось вашей философии». Фрейд постоянно расширял наши представления о человеке, неизбежно подчёркивая те стороны, которые мы стараемся не замечать.

Он сомневался в возможностях равенства между людьми и видел в них потенциал насилия, ревности и прочих грехов, которые они демонстрируют. Фрейд секуляризировал греховность как род симптомологии, и его видение противоречило тем, кто ощущал себя комфортно на воскресной проповеди. Поставим вопрос несколько иначе: отнюдь не доказано, что лучшие гуманитарно мыслящие умы остаются на долгое время друзьями человечества. Томас Гоббс⁴ высказывал достаточно резкие суждения о природе человека, но это отнюдь не умалило его значение для истории идей; он также предполагал последующий рост рациональности и сознательного саморегулирования, и это соображение немаловажно для наших дней. Мы до сих пор читаем Макиавелли⁵; сколь циничными ни были его моральные суждения, бросающие вызов нашим этическим нормам; он исследовал конфликты общественного и частного интересов, которые трудно было представить в его время. Гоббс предвидел новые источники конфликтов, Макиавелли настаивал на вечности человеческого эгоизма. Продвигаясь по линии истории социальной философии к нашим дням, мы встречаем Жана-Жака Руссо⁶, который обязывал людей быть свободными, и это была позиция эмансипатора, непреднамеренно ведущая к тирании.

Так, Маркс⁷ становится опорой воззрений Ленина⁸, а большевики находили в учении Маркса поддержку в понимании ужасающих форм порабощения. Признанная большевиками концепция диктатуры пролетариата стала реальностью. Сам Маркс – в отношении человеческой натуры – был не менее трезвомыслящим, нежели Фрейд, но его гуманистические идеалы практически не повлияли на ход истории. В общем, не бесспорно, что те, кто приходит к людям с идеалистическими намерениями, заканчивают созданием ещё

⁴ Гоббс Томас (Hobbes Thomas) (1588–1679) – английский философ, политический мыслитель. Согласно его взглядам, «естественное» состояние человека, основанное на «инстинкте самосохранения», приводит к ненависти, стремлению к власти, «войне всех против всех».

⁵ Макиавелли Никколо (Machiavelli Niccolo) (1469–1527) – поэт, писатель, дипломат, известный прежде всего как политический мыслитель. Природе человека рассматривал как себялюбивую, эгоистичную и потому нуждающуюся в руководстве «доблестным государем», циничным и свободным от религиозных и моральных ограничений.

⁶ Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean-Jacques) (1712–1778) – писатель, композитор, ботаник, видный представитель философии Просвещения и одновременно её критик. Утверждал, что человек изначально благ и носитель естественных ценностей свободы и потому нуждается в революционном восстановлении «естественного равноправия», нарушенного институтами цивилизации и прогресса.

⁷ Маркс Карл (Marx Karl) (1818–1883) – немецкий философ, экономист, политический мыслитель. Считал задачей философии изменение мира, критиковал капиталистическое общество, создал учение о классовой борьбе и главной роли промышленного пролетариата (т.н. «диктатуры пролетариата») в «социалистической» революции и построения бесклассового, гармоничного, справедливого, свободного общества.

⁸ Ленин (Ульянов) Владимир (1870–1924) – российский революционер, европейски образованный интеллигент из дворян, юрист, теоретик и практик марксистского учения, организатор большевистской (марксистской) партии радикального толка и насильственного захвата власти в результате революции, впоследствии приведших к созданию тоталитарного, полицейского советского государства.

больших оков для них. (Фрейдизм, имеющий самые благородные идеи, мог тем не менее получить негативный отклик.) Я не убеждён, что только скептики в отношении подлинных человеческих мотивов могут приносить страдания и беды. Мыслители с ограниченными целями, возможно, меньше всех вводят людей в заблуждение. Те, кто стремится полностью переделать природу человека, должны обладать некой внутренней лицензией на установление справедливости, но даже она приводила к тяжёлым социальным последствиям. Один из американских отцов-основателей Джеймс Мэдисон⁹ настаивал, что «люди не ангелы», и это повлияло на создание американского законодательства, с его политическими и социальными последствиями.

Я не оправдываю мизантропию, но не стоит связывать с Фрейдом только худшие ожидания от человеческой природы. Верно, что у него встречаются нелестные высказывания относительно людей типа «хлам», «шушера», «ни на что не годные» и т.п. Конечно, он выражал взгляды своего социального класса, равно как аналитика. Его едкие характеристики в адрес отдельных личностей, особенно тех, в ком он разочаровался, можно считать грубоватым словесным выпадом, не более того. В то же время Фрейд был усердно работающим шесть дней в неделю врачом, стремящимся максимально помочь своим пациентам. Как терапевт он апеллировал к ресурсам пациентов с целью содействовать им в преодолении собственных границ, обращался к их рассудку и самосознанию. В нескольких выразительных фразах он мог осуждающе отозваться обо всём человечестве, по крайней мере, о части его. И ещё он мог быть бескорыстным и благотворительным, что не всегда замечалось. Я вспоминаю, например, психотического пациента, у которого Фрейд диагностировал (наряду с коллегами) шизофрению и наблюдал его годами. И оказался более успешным в работе с ним, нежели современные ему практики, несмотря на их общепринятые теории. В принципе, Фрейду не следовало, согласно его концепциям, анализировать такого пациента¹⁰, однако Фрейд сумел установить с ним глубокий человеческий контакт. Он писал его проживавшей в Америке матери успокаивающие, поддерживающие её письма, убеждал её не волноваться за сына и т.д. Надо думать, эта женщина была образованным человеком и понимала ситуацию Фрейда, находившегося в профессиональной конфронтации с коллегами; в подобном положении находился и Руссо. (Я думаю здесь о Дени Дидро¹¹, вспоминавшем свою последнюю

⁹ Мэдисон Джеймс (Madison James) (1751–1836) – президент США (1809–1817), один из ключевых авторов Конституции США, Библия о правах, деятель американского Просвещения. Известен изречениями: «Если бы люди были ангелами, правительство было бы не нужно. А если бы людьми управляли ангелы, был бы не нужен какой-либо контроль над правительством». «Культуре нужно учить каждое поколение».

¹⁰ Психоанализ шизофренических пациентов разработан много позднее, в 1950 гг., американским психоаналитиком и психиатром Хайманом Спотницем (Hyman Spontnitz) (1908–2008).

¹¹ Дидро Дени (Diderot Denis) (1713–1784) – французский писатель, философ-демократ, художественный критик, крупнейший и разносторонний интеллектуал эпохи Просвещения. Создатель многотомной «Энциклопедии» («или Толковый словарь наук, искусств и ремесел») – универсального свода знаний того времени.

вечернюю встречу с Руссо: «Он вызывал у меня ощущение неловкости, я чувствовал себя как будто чья-то проклятая душа стояла возле меня. Я не желаю видеть этого человека снова. Он мог заставить меня поверить в ад и чертей».) Руссо шокировал окружающих своими идеями. Например, он не стал поддерживать тезис, что свобода человека состоит в том, чтобы делать то, что он хочет, но скорее в нежелании делать то, что он не хочет. Понимание свободы, построенное на расщеплённом «я», способном к самоистязанию, может показаться ужасающим, и оно выглядело в глазах его современником скандальным. Сторонники свободы в двадцатом столетии опасались авторитарных последствий парадокса «принуждения человека к свободе». Нелёгкий, конфликтный характер Руссо создавал проблемы (в признании его идей), но он и сам понимал, что в целом его теории выглядели даже в глазах друзей ужасными. В 1776 г. прошел слух о его смерти (реально он дожил до 1778), и великий Вольтер¹² коротко откликнулся: «Смерть Жан-Жака по-настоящему правильное дело». Эдмунд Бёрк находил Руссо патологически чувствительным, будто лишённым кожи. А Фридрих Гримм¹³ писал Руссо, отрицая как руссоистскую «апологию ужаса», так и его «монструозную систему»: «...Я не хотел больше видеть вас в своей жизни, и сочту за удачу, если сумею выбросить из головы память о вашем поведении». Руссо, чья «Исповедь» явилась одной из всемирно известных автобиографий (подобно которой Фрейд писал о себе в «Толковании сновидений») была достаточно грандиозной, чтобы её приняли современники, но мы – спустя много лет – способны признать его гениальность. Его напряжённые поиски чистой, подлинной человеческой коммуникации требовали от людей не только больших усилий, едва ли не насилия по отношению к самим себе, так ведь и психоанализ обвиняли в современной разновидности инквизиции. (Кстати, и церковь также пыталась людей отнюдь не по причине садизма, но во имя спасения души за пределами её телесного существования.) Поскольку Руссо признал расщепление души, отделяя фальшивые чувства от подлинных скрытых интенций, он тем самым заложил основу для тех, кто ищет человеческие намерения за границами сознательных суждений. Руссо следует защитить от обвинений во враждебности к человечеству и склонности к новым средствам тирании; наоборот, он отстаивал независимость личности. Фрейда также следует рассматривать как проповедника свободы, отвергающего цепи рабства. Руссо был не единственным предшественником Фрейда, другим стал Ф. Ницше¹⁴; однако оба они в свои годы оказывались ещё в большей изоляции, нежели Фрейд.

¹² Вольтер (Voltaire) (1694–1778) – французский философ-просветитель XVIII в., поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист.

¹³ Гримм Фридрих Мельхиор, барон фон (Friedrich Melchior, Baron von Grimm) (1723–1807) – немецкий публицист эпохи Просвещения, критик и дипломат.

¹⁴ Ницше Фридрих (Nietzsche Friedrich Wilhelm) (1844–1900) – немецкий философ, филолог, культурный критик, один из создателей неклассической «философии жизни». Автор концепций «воли к власти» (der Wille zur Macht), аполлонической и дионисийской сил человечества; критики «тирании разума» (т.е. логического, рассудочного мышления), оказавших влияние на психоанализ.

Фрейд был культурный, учтивый европейский джентльмен, женатый отец шестерых детей, достаточно успешный врач, также помогающий ближним; в общем, буржуа среднего класса. Он отвергал мнение о собственной гениальности, поскольку считал свою жизнь слишком трудной, чтобы заслужить подобную похвалу. Психоанализ, созданный Фрейдом, требовал постоянных забот в обстоятельствах противодействия и противоречивого к нему отношения. Сам Фрейд ежедневно общался с большим числом пациентов. При том, что он не был уединённым книжником, а терапевтом, днями напролёт врачевавшим не менее полудюжины пациентов. Одним из залогов успеха Фрейда явилось следование им специфически европейскому подходу в терапии, который прямолинейным американцам мог показаться лицемерным. Действительно, Фрейд по-разному говорил об одном и том же различным людям. В этом заключалось обаяние безобидной лжи, и традиционная венская публика принимала эту мистификацию. Так, обсуждая с одним из своих учеников книгу о психоанализе, написанную в 1920-х гг. итальянским психиатром Энрико Морселли¹⁵, Фрейд писал, что эта книга лишена какой-либо ценности, кроме бесспорного доказательства, что её автор – осёл. Фрейд настаивал, чтобы его ученик написал обстоятельный разбор книги Морселли: «Не экономьте на словах, дабы высказать автору неприятную правду». Фрейд был рад избежать публичной полемики. Так, самому Морселли Фрейд писал иначе, называя его книгу «важной работой», а упреки Фрейда были изложены достаточно осторожно, сугубо в научных терминах. «Я констатирую с сожалением, что Вы не можете принять нашу юную науку без больших оговорок, и я должен испытывать удовлетворение от разнообразия мнений в столь трудной тематике и, несомненно, что ваша книга вносит большой вклад в расширении интереса ваших соотечественников к психоанализу». Всё же Фрейду приходилось участвовать в публичных дебатах, когда он восторженно отозвался о других сочинениях Морселли, безо всяких смешанных чувств и оговорок. Своему ученику из Италии Эдуарду Вайссу¹⁶, которого знал больше десятка лет, Фрейд искренне писал, что тот мог бы иллюстрировать представления Генри Джеймса об американском и европейском складе ума¹⁷. Фрейду понравился критический обзор Вайсса о работе Морселли: «Я рад, что Вы показали себя мужественным и честным, как всегда...». В письме, написанном спустя несколько месяцев, Фрейд прибегнул к шокирующим для его современников инвективам в адрес Морселли: «Было бы интересно узнать, всегда ли он был такой задницей

¹⁵ Морселли Энрико (Morselli Enrico) (1852–1929) – итальянский психиатр, антрополог, психоаналитик. В 1926 г. издал первый в Италии учебник по психоанализу.

¹⁶ Вайсс Эдуардо (Weiss Edoardo) (1889–1970) – первый итальянский психоаналитик, основатель психоанализа в Италии, автор многих публикаций по проблемам эго-состояний.

¹⁷ Джеймс Генри (James Henry) (1843–1916) – американский писатель, с 30 лет проживавший в Европе, брат выдающегося психолога Уильяма Джеймса. Творчество Г. Джеймса является примером психологического реализма, одна из ведущих тем которого – столкновение американского и европейского мирозерцаний.

или стал им по причине старости». Фрейд мог прибегать также к нарочитой, даже приторной (*schmaltz*) лести, обращаясь непосредственно к тому же Морселли, что может быть неправильно понято и что следует помнить, когда мы читаем других корреспондентов Фрейда. Суть в том, что Фрейд был заинтересован в продвижении психоанализа, и во имя этой цели он бывал жёстким, неумолимым, а порой уклончивым. Также Фрейд мог полагаться на того, кто растопчет книгу Морселли, а сам оставался обаятельным в переписке с Морселли. Я не считаю, что Фрейда следует обвинять в двуличии, пока перед ним стояла задача способствовать развитию психоанализа, и он постоянно об этом думал. Читая фрейдовские письма, равно как и опубликованные тексты, необходимо вслушиваться в подтексты, интонацию, звучащую за строгими строками словес. Фрейдовское общение с Морселли соответствовало тому большому плану, который у Фрейда в голове. Он вполне мог беспринципным, как бы резко это ни звучало. Например, участвуя в создании сборника в честь Романа Роллана¹⁸, Фрейд писал ему: «Незабываемая личность, достигшая высот через испытания и страдания. Я почитал вас как художника и апостола любви к человечеству много лет до того, как увидел вас. Я сам защищал любовь к человечеству вовсе не из сентиментальных или идеалистических побуждений, но исходя из трезвых, экономических резонов перед лицом наших инстинктивных влечений, миром каким он есть на самом деле. Я вынужден рассматривать эту любовь как необходимость сохранения человеческих качеств, как род технологии». Вынужденный писать для публики о Роллане, Фрейд тем не менее интерпретировал любовь к человечеству как сублимацию гомосексуальности. Можно полагать, что Фрейд в данном случае не считал сублимированные чувства очень далёкими от их инстинктивных корней, на которые он смотрел с опасением. В «Недовольстве культурой» (1930) он не сомневался, что любовь к человечеству также нереалистична, как и нежелательна. В некотором смысле, Фрейд выдал свои истинные чувства в письме к Роллану; а именно, когда он поставил любовь к человечеству на уровень «необходимых технологий», к которой, как многие европейцы его времени, относился со смешанными чувствами. Американцы, однако, с трудом воспринимали Фрейда с его континентальной точкой зрения¹⁹, в духе двоякости, как Фрейд относился к Морселли. Американцы представлялись европейцам подобными диким индейцам; в глазах Фрейда – варварами, с которыми не стоило обходиться доверительно и откровенно как с Вайссом. Фамильярные американцы едва разделяли

¹⁸ Роллан Ромэн (Rolland Romain) (1866–1944) – французский драматург, писатель, историк искусства и мистик. Лауреат Нобелевской премии по литературе. Странник интернационального пацифизма, один из влиятельных европейских интеллектуалов. С 1923 г. переписывался с Фрейдом, который заинтересовался его концепцией «океанического чувства».

¹⁹ Для континентальной философии (склада ума) характерны фундаментальный, метафизический, трансцендентальный рационализм, образность и метафора, нежели для англо-американского – более аналитического, сциентистского мышления, с опорой на логический эмпиризм и чувственный опыт.

публичную и частную сферу жизни. В ходе путешествия Фрейда в Америку в 1909 г., он приобрёл стойкое убеждение об американцах как варварах; список упрёков Фрейда в адрес американцев неисчерпаем. Они могли называть его просто Зигмундом, посадить на землю вокруг костра, угощая приготовленными на углях блюдами, здесь же вести речь о доказательности психоанализа. Ему было уже 53, а с ним обходились как с равным. Он предполагал определённую дистанцию между собой и другими, чего американский энтузиазм не принимал. Что ж удивительного в том, что Уильям Джеймс²⁰ именовал Фрейда обсессивной личностью с идеями фикс. Венский аналитик едва мог вообразить, что встреча с американцами может сопровождаться столь неуместными вопросами о его сёстрах (они вовсе не были интеллектуальными). Хотя Фрейд мог бы найти у американцев присущую им освежающую искренность, он прежде всего думал о вопросах его работы, а не личной жизни.

Американская реакция на Фрейда была всегда более позитивистской и прагматичной, нежели ему хотелось. Сам Фрейд чувствовал, что ему удаётся завоевать публику путём дискуссий, в ходе лекций 1909 г. по терапевтической практике и работе со сновидениями. Эта проблематика была более понятной аудитории в широком контексте психоаналитической картины мира. В то же время я сомневаюсь, что Фрейд был бы доволен интерпретацией психоанализа Жаком Лаканом²¹ в Париже, в период после событий 1968 г.²², поскольку Фрейд стремился сохранить связь психоанализа с традиционными проблемами морально-этической мысли. Лакан и многие другие теоретики, считающие себя лояльными подлинным намерениям Фрейда, полагаю, были правы – в перспективе насущных проблем практически мыслящих американцев. Фрейд, без сомнения, стремился к успеху в терапии; в то же время отделял своё учение от достижений и/или неудач в практике психоанализа. Отношение к нему американцев всегда казалось ему непосредственным, поверхностным, недостаточно теоретически продуманным. Сегодняшний уровень 1990-х критики Фрейда в США²³, возможно, только подтвердил прежнее недоверие Фрейда к энтузиазму американцев в отношении его идей.

²⁰ Джеймс Уильям (James William) (1842–1910) – американский философ, психолог. Представитель прагматизма и функционализма. Автор влиятельных теорий сознания (идеи «потока сознания»), эмоций, исследовал особенности смысловой, религиозной ментальности (идеи «воли к вере»). С большим интересом относился к психоанализу, однако критически отзывался о ряде его концепций.

²¹ Лакан Жак (Lacan Jacques Marie-Emile) (1901–1981) – французский психиатр, психоаналитик. Оригинальный интерпретатор фрейдизма с позиций структурализма и постструктурализма.

²² Студенческие волнения в мае 1968 г. проходили под лозунгами «структуры не выходят на улицы», «запрещено запрещать» и т.п. Участниками критиковались различные виды структур, особенно власти – политической, традиционной морали (в частности, в духе сексуальной революции) и др.

²³ Данный текст П. Розена написан в 1999 г.

Следовать мыслям Фрейда непросто; немалое число людей, вовлечённых в психоаналитическое движение, исходило из гуманитарного идеализма, который он далеко не всегда разделял. Молодой человек, собиравшийся жениться, писал своей невесте, будучи болтливым после принятия небольшой дозы кокаина, о том, как Йозеф Брейер²⁴, наставник Фрейда, открыл, что «под моей внешней робостью присутствует отважное и бесстрашное человеческое существо». Фрейд продолжал: «Я всегда так считал, но ни с кем не делился этим. Я часто чувствую себя так, поскольку наследую всем неповиновениям и страстям, которыми наши предки защищали наш Храм и мог бы с радостью пожертвовать собственную жизнь ради великого исторического события». Фрейд был страстным борцом, привлекавшим подобных ему личностей на то поле научной борьбы, которое он создавал.

Я хотел бы привести в качестве такого примера смерть Виктора Тауска. Фрейд, как лидер психоаналитического движения, вызывал самые сильные эмоции, часто со стороны людей, привлечённых в область психоанализа по причине собственных неразрешённых проблем. Тауск был тем, кто искал и получил помощь Фрейда, поскольку Тауск учился в медицинском колледже, чтобы подготовиться к работе аналитика; Тауск был одним из первых аналитиков, заинтересованных в распространении фрейдистского учения на психиатрическую область психозов. Несмотря на авторитет, которого добился Тауск, к концу 1918 г. Фрейд, после многих лет отказа Тауску в просьбах о личном анализе, наконец, отправил его к новичку-аналитику, Хелен Дейч, которую Фрейд недавно начал анализировать. Вся эта цепочка между Фрейдом, Тауском и Хелен Дейч в конечном итоге, вероятно, усугубила проблемы Тауска, но следует отдать Фрейду должное и считать, что он пытался сделать всё возможное, на безопасном расстоянии, с этим своим проблемным последователем. Теперь мы знаем, что в своей карьере аналитика он часто попадал в ситуации, которые были настолько интимными и близкими, что остаётся только удивляться, как он мог во всём этом успешно разобраться. Другие группы современных интеллектуалов также склонны к интимным отношениям в форме, которая кажется едва ли человеческой (если вообще пристойной). Я думаю об атмосфере в окружении Жана-Поля Сартра и Симоны де Бовуар²⁵, которую она описала в своём романе «Она приехала погостить» (группа Блумсбери²⁶

²⁴ Брейер Йозеф (Breuer Josef) (1842–1925) – австрийский врач, соратник Фрейда в открытии психоанализа, соавтор его работ по истерии.

²⁵ Сартр Жан-Поль (Sartre Jean-Paul) (1905–1980) – французский писатель, драматург, философ – представитель атеистического экзистенциализма; Бовуар Симона де (Beauvoir Simone de) (1908–1986) – французская писательница, философ-экзистенциалист, идеолог феминизма. Сартр и Бовуар образовали между собой некий любовно-литературно-философский союз в форме открытого брака, допускавший свободные отношения вне брака и взаимную откровенность как в творчестве, так и в интимной жизни.

²⁶ Группа Блумсбери (Bloomsbury Group; Блумсбери – дешёвый богемный район Лондона, примыкающий к Британскому музею) – элитарная группа британских интеллектуалов,

в Англии была довольно похожа). То, что люди спали друг с другом, а потом делились с близкими деталями своих отношений, едва ли отличается от той, где Фрейд был аналитиком Хелен Дейч, которая, в свою очередь, была аналитиком у Тауска. За всю историю психоанализа можно легко вспомнить другие подобные пикантные ситуации: (1) Фрейд анализирует свою дочь Анну, (2) Фрейд анализирует приёмную дочь Шандора Ференци, в которую Ференци был влюблен, (3) Фрейд анализирует Рут Брунsvик, её мужа Марка и её зятя Дэвида, (4) Анна Фрейд анализирует детей своей самой близкой подруги Дороти Берлингем. Этот список можно продолжать до бесконечности, в него можно включить Эриха Фромма, анализирующего дочь своей любовницы Карен Хорни. Ранняя история психоанализа изобилует подобными примерами нарушения «нормальных» терапевтических границ. Какие бы правила отстранённости и нейтралитета Фрейд ни пытался установить для других, для себя и своих избранников он, похоже, считал, что они находятся за гранью обычного добра и зла. Соглашение между Фрейдом, Хелен Дойч и Тауском не сработало, и Фрейд доверил ей порвать либо с собой, либо со своим пациентом, который был полон печали из-за соперничества с Фрейдом. (Она, заполняя свои аналитические часы с Фрейдом новостями о Тауске, приняла это за приказ со стороны Фрейда.)

Через пару месяцев позднее, перед самоубийством, Тауск послал Фрейду прощальное письмо, в котором он примирялся с Фрейдом: «Я благодарю вас за всё то добро, которое вы мне сделали. Вы так много сделали для меня, и это наполнило смыслом последние десять лет моей жизни. Ваша деятельность истинна и велика. Я уйду из этой жизни, зная, что был одним из тех, кто стал свидетелем триумфа одной из величайших идей человечества». Преданность Тауска Фрейду и его самоубийство стали трагическим свидетельством успешности учения Фрейда. Друг Тауска, аналитик Пол Федерн, глубоко понимавший ресурсы психоанализа, включая лечение психотиков, всё же обвинял Фрейда в смерти Тауска. «Мотивом послужило то, что Фрейд отвернулся от него». Как писал Федерн жене Тауска: «Мне было ужасно жаль его... Если бы Фрейд проявил к нему человеческий интерес, а не просто признание, он мог бы дольше выносить своё мученическое существование... Фрейд обладает любовью к людям, он может быть добрым, но в старости он стал всё более жёстким... То, что мы не смогли сохранить Тауска, – наш позор». (Дословный перевод, вместо слова «добрый» в письме Федерна точнее было бы «хороший».) Реакция Фрейда на смерть Тауска показывает, что он был полностью вовлечён в эту человеческую трагедию, за что его не следует обвинять. Саморазрушение Тауска развивалось годами; уклонение Хелен Дейч от её собственной

писателей, художников, философов; преимущественно выпускников Кембриджского университета, объединённых сложными семейными, дружескими, творческими отношениями. В начале – первой трети XX столетия наиболее влиятельны в вопросах феминизма, психизма, сексуальности; публиковали труды Фрейда.

терапевтической ответственности, как и собственная неспособность Фрейда адекватно отреагировать на смерть Тауска, кроме облегчения, что его больше нет, являются периферийными аспектами этой истории. Но всё же поразительно, как Фрейд писал Лу Андреасу Саломе²⁷, которая когда-то была тесно связана с Тауском (как ранее с Ницше и Рильке): «Признаюсь, я не очень скучаю по нему; я давно уже считал его бесполезным, более того, угрозой будущему». Эти слова были первоначально вырезаны цензурой из переписки между Фрейдом и Лу, и были восстановлены только после того, как я опубликовал их. В некрологе Фрейда о Тауске он лестно писал: «Тауск, безусловно, заслуживает почётной памяти в истории психоанализа и его ранней борьбы (за признание. – А.К.)». Что делал Фрейд, публично восхваляя Тауска (с выраженными оговорками относительно некоторых его работ) в то же время, когда он с такой явной холодностью писал о Тауске Лу Андреас-Саломе? Люди годами сохраняли письма Фрейда, Фрейд шутил об этом как о хорошей идее для подросткового возраста, а в случае Лу она даже сохранила черновики некоторых своих писем к Фрейду. Фрейд мог публично писать в честь пятидесятилетия Эрнеста Джонса и в то же время в частном порядке выражать свою неприязнь к Джонсу; некролог Фрейда о Ференци противоречил частной записке Джонсу о последних днях Ференци. Фрейд был частью мира, в котором такие слои различных смыслов были ожидаемы, и даже сейчас нам трудно уследить за их расхождениями.

В случае Тауска и в других катастрофах в карьере Фрейда человеческая жизнь была потеряна на пути к историческому «триумфу» Фрейда. Я думаю, что природа трагедии заключается в том, что участники не могли поступать иначе, нежели они поступали, в то же время они заблуждались в отношении последствий собственного поведения. Трагедия может не быть «приятной» или частью того, что Уильям Дин Хоуэллс²⁸ называл «улыбающейся» частью жизни, однако трагедия остаётся неотъемлемой частью человеческого опыта. Шекспир – признанный знаток болезненных трагических переживаний. Принц Хэл был жесток, когда отверг Фальстафа на пути к тому, чтобы стать королем²⁹. Лир волнует нас благодаря драматизму, присущему его судьбе. То же самое можно сказать об Отелло, Макбете и многих других трагедиях. Фрейд не только участвовал в трагедиях своего собственного движения, но также принимал неизбежность трагических конфликтов в жизни. Люди впоследствии склонны отвергать дилеммы, которые он фиксировал.

²⁷ Андреас-Саломе Лу (Lou Andreas-Salome) (1861–1937) – российско-немецкая писательница, философ, психоаналитик.

²⁸ Хауэллс Уильям Дин (Howells William Dean) (1837–1920) – американский писатель и литературный критик, представитель т.н. «нежного реализма» в литературе США.

²⁹ До восшествия на престол в качестве короля Генриха V принц Хэл был компаньоном Фальстафа в беззаботном образе жизни. (См.: Шекспир В. Генрих IV, часть 2.)

Фрейд всегда говорил, что мы расплачиваемся за наши успехи, и достижения опираются на потери. Американцы, с другой стороны, особенно склонны считать, что всё хорошее должно быть вместе и без моральных затрат. Декларация независимости провозгласила цели жизни, свободы и стремления к счастью, их национальные идеалы представляются неотъемлемо совокупными и последовательными.

Поэтому, когда такая фрейдистка, как Хелен Дейч, писала о конфликте между материнством и сексуальностью, это казалось оскорбительным тем, кто отстаивал возможности женской эмансипации. Европейцы, скорее всего, увидят в этом конфликт ценностей. А современные поклонники психофармакологии склонны преуменьшать издержки от приёма таблеток. Фрейд настаивает на том, что с моральной точки зрения не существует такого понятия, как бесплатный обед. Для того, кто предпочитает видеть лишь преемственность с прошлым, но не разрывы, может показаться, что проще всего отбросить подходы Фрейда. Тем более, когда он сталкивался со сложными случаями, которые с трудом поддавались анализу. Так, например, некоторых пациентов он считал подходящими для иных видов терапии; это создаёт впечатление, что имеются пациенты «недостойные» психоанализа. Христианский принцип о драгоценности души каждого человека не привлекал Фрейда, и у него были свои предпочтения относительно пациентов, с которыми он решил работать. Он не считал, чтобы психоанализ одинаково хорош для всех, но, скорее всего, он подходил тем немногим, кто, по его мнению, являлся более типичным представителем человечества.

Система, которую отстаивал Фрейд, была тщательно выстроена, образуя привлекательную интеллектуальную структуру; мы сами должны реагировать на неё, выбирая то, что нам нравится, и отвергая остальное. Фрейд представлял себя будущему самым целеустремленным образом, хотя он был более скромным в отношении собственных достижений, чем некоторые из его самых фанатичных учеников. Мелани Кляйн³⁰, например, в своё время рекомендовала подвергать психоанализу каждого ребёнка и считала желательным, чтобы пациенты в процессе анализа заново переживали собственные психозы. Фрейд же сдержанно относился к области детского анализа и более скептически, чем другие, оценивал возможности психоанализа в терапевтическом или профилактическом плане. Фрейд понимал, что созданная им наука о бессознательном, возможно, не сразу может быть признана, но в долгосрочной перспективе одержит победу. Если мы посмотрим на его утверждения с бесстрашием, присущим изучению истории идей, истинные приверженцы могут подумать, что мы занимаемся безусловным развенчанием психоанализа. Но у интеллектуальных историков есть особая задача – воссоздавать мир, не похожий на наш собственный, ради расширения наших горизонтов и обогащения нашего представления о том, что может быть человечески реальным. Рассматривать Фрейда вне

³⁰ Кляйн Мелани (Melanie Klein) (1882–1960) – британский психоаналитик, одна из создателей детского психоанализа, игровой психоаналитической терапии и теории объектных отношений.

контекста, как его цитируют, например, во многих современных психоаналитических журналах, значит неизбежно исказить суть вещей. Цитирование его посреди наших собственных увлечений, без осознания всех сложностей, связанных с его прочтением, способствует ложной идеализации или неточности. Несомненно, он мог быть безжалостным во имя продвижения дела своей жизни. Роман Солженицына³¹ «Ленин в Цюрихе» кажется мне великолепным рассказом о том, насколько духовно сосредоточенным может быть революционер. Мир действительно имеет тенденцию вознаграждать такую сосредоточенную узость взглядов. Иные, более осторожные, пусть и широко мыслящие специалисты, по крайней мере, в истории психоанализа, достаточно быстро забывались. Согласно одной популярной американской поговорке, приписываемой Лео Дурочеру³², «хорошие парни приходят последними». Нетерпимость Фрейда ничуть не противоречила тому, что он был способен, например, в повседневной работе с пациентами проявлять необыкновенное терпение, такт и понимание. Но он также стремился утвердить свою систему в истории. Другие великие люди, например, в мире политики, такие как Черчилль³³ или де Голль³⁴, также были полны решимости изменить мир согласно собственным представлениям. Фрейд имел свои прочные убеждения в сфере идей, и одновременно он создал и руководил сплочённой школой своих последователей, которая преуспела в продвижении его достижений.

Среда, в которой Фрейд пребывал, побуждала его быть неизменно вызывающим, как бы он ни скрывался в своих дьявольски звучащих изречениях (*diabolical-sounding sayings*); каждый из томов его писем, когда они появляются в печати, добавляет очарования глубины его понимания. Не следует вымарывать из его писем (прибегая к переводческим уловкам, а то и пропускам) самые потрясающие мысли, какими бы они ни были. Он вполне мог чувствовать себя самодовольным, как и любой иной великий лидер. И наряду с его отстраняющей иронией, он мог быть утопистом; ведь когда он осуждал как суеверие всю организованную религию и осуждал веру в Бога как ненужный невротический костыль, он представлял себе идеал того, каким мог бы быть мир без подобных иллюзий. «Если они (верующие) направят все свои высвободенные силы на земную жизнь, им, вероятно, удастся достичь такого положения вещей, при котором жизнь станет терпимой для всех, а цивилизация больше не будет никого угнетать», –

³¹ Солженицын Александр (1918–2008) – русский писатель, драматург, публицист, общественный и политический деятель, активный критик коммунистической идеологии и политической власти в СССР.

³² Дурочер Лео (Durocher Leo) – американский спортивный менеджер в 30–40-х гг. XX в.

³³ Черчилль Уинстон Сэр (Churchill Winston, Sir) (1874–1965) – британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955), писатель, художник.

³⁴ Де Голль Шарль (De Gaulle, Charles) (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, генерал, лидер французского Сопrotивления в годы Второй мировой войны, президент Франции (1959–1969).

писал Фрейд в «Будущем одной иллюзии». Это направление утопизма продолжало привлекать определённого рода страстных последователей, таких как Герберт Маркузе³⁵ и другие.

Другая сторона Фрейда, где он едкий, если не горький человек, может показаться нашим современникам менее приятной. В конечном счёте это может быть вопросом вкуса или личных предпочтений, каких мыслителей человек выбирает в качестве героев. В вопросах истории американского Верховного суда для меня не очевидно, что Луис Брандейс³⁶, тёплый в своём идеализме, должен считаться выше гораздо более мрачного Оливера Уэнделла Холмса-младшего³⁷. Никто не оказал большего влияния на наше мышление, нежели Фрейд, и споры, которые до сих пор окружают его имя, означают для меня, что он оказался очень важным мыслителем.

Менее жёсткий человек вполне мог бы быть менее успешным; а более интеллектуально приятный почти наверняка позволил бы своим озарениям рассеяться в желании быть приятным. Как бы то ни было, Фрейд продолжает вызывать споры, и эта черта отчасти объясняется его твёрдостью. Его почти олимпийская сдержанность помогает объяснить, почему он счёл традиционный запрет говорить плохо об умерших суеверным страхом возмездия, и она сделала его тем победителем, которым он стал. История идей должна приспособиться к таким великим строителям систем. И если мы отказываемся разделить некоторые из яростных самооговоров Фрейда, это лишь подчёркивает нашу отдалённость от того, что может потребоваться, чтобы стать таким первопроходцем, как он.

Разговоры о жёсткости Фрейда и самых мрачных сторонах его присутствия не означают, что он не обладал и другими качествами. Лучшим балансом и дополнением к описанию суровой картины личности Фрейда служат воспоминания о его совершенно замечательном чувстве юмора. Пациенты сообщали, как часто Фрейд использовал раввинские притчи для иллюстрации различных человеческих дилемм в ходе своих анализов. Его книга «Остроумие и его отношение к бессознательному» – одна из самых сложных, которые он когда-либо писал, правда, в наши дни она привлекает мало внимания. Текст пестрит примерами житейской мудрости, которая может быть передана через шутки. Часто сообщалось и о сухом цинизме Фрейда. Мы знаем немного о том, как он ценил публичные выступления Марка Твена³⁸ в Вене. Как и все сложные личности, Фрейд

³⁵ Маркузе Герберт (Marcuse Herbert) (1898–1979) – немецкий и американский философ, социолог, популярный в среде левой интеллигенции Запада в 60–70-х гг. XX в.

³⁶ Брандейс Луис/Брандис Луи (Brandeis Lois) (1856–1941) – американский юрист, член Верховного Суда США, активный защитник права неприкосновенности личности, имел репутацию «народного адвоката».

³⁷ Оливер Уэнделл Холмс-младший (Oliver Wendell Holmes Jr.) (1841–1935) – американский юрист, правовед, многолетний член Верховного Суда США, приверженец т.н. «американского правового реализма», позитивистского понимания правовой нормы.

³⁸ Твен Марк (Twain Mark) (1839–1910) – американский писатель, юморист, журналист, общественный деятель; выступал в Вене в 1898 г. с чтением своих произведений.

был полон противоречий, но они послужили ему для создания оставленного им великого наследия, которое и сегодня способно вызывать живые дискуссии.

Список литературы

1. *Beauvoir Simone de*. She Came to Stay. London: Flamingo, 1984. 409 p.
2. *Freud Sigmund*. Civilization and its Discontents // *Freud Sigmund*. The Standard Edition of the Complete Psychological Works. Vol. XXI (1927–1931): The Future of an Illusion, Civilization and its Discontents and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930. P. 57–146.
3. *Freud Sigmund*. Future of an Illusion // *Freud Sigmund*. The Standard Edition of the Complete Psychological Works. Vol. XXI (1927–1931): The Future of an Illusion, Civilization and its Discontents and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930. P. 1–56.
4. *Freud Sigmund*. Leonardo da Vinci and a Memory of his Childhood // *Freud Sigmund*. The Standard Edition of the Complete Psychological Works. Vol. XI: Five Lectures on Psycho-Analysis, Leonardo da Vinci and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930. P. 63–138.
5. *Freud Sigmund*. The Standard Edition of the Complete Psychological Works. Vol. VIII (1905): Jokes and Their Relation to the Unconscious. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930. ix+388 p.
6. *Freud Sigmund*. Why War? // *Freud Sigmund*. The Standard Edition of the Complete Psychological Works. Vol. XXIII (1932–1936): New Introductory Lectures on Psycho-Analysis and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930. P. 196–218.
7. *Jones Ernest*. The Life and Work of Sigmund Freud. N.Y.: Basic Books, 1957.
8. *Roazen Paul*. Brother Animal: The Story of Freud and Tausk. N.Y.: Knopf, 1969. xx+221 p.
9. *Roazen Paul*. Freud and his Followers. N.Y.: Knopf, 1975. 602 p.
10. *Roazen Paul*. Nietzsche and Freud: Two Voices from the Underground // *Psychohistory Review*. 1991. Vol. 19 (3). P. 327–349.
11. *Rousseau Jean-Jacques*. Political Writings. N.Y.: Norton, 1988. 321 p.
12. *Rousseau Jean-Jacques*. Reveries of the Solitary Walker. London: Penguin, 1979. 160 p.
13. *Sabine George Holland*. A History of Political Theory. N.Y.: Henry Holt, 1950. 771 p.
14. *Solzhenitsyn Alexander*. Lenin in Zurich. N.Y.: Farrar Strauss & Girou, 1976. 309 p.
15. The Letters of Sigmund Freud / Ed. Ernst L. Freud. London: The Hogarth, 1961. 190 p.
16. *Wilson Arthur W*. Diderot: The Testing Years. N.Y.: Oxford University Press, 1957. 445 p.

PSYCHOANALYTICAL ANTHROPOLOGY

Paul ROAZEN (1936–2005)

Ph.D. in Philosophy, Professor

Translator

Alexander KANTOR

Ph.D. in History,

Practitioner, training analyst, supervisor of the European Confederation for Psychoanalytic Psychotherapies (ECP, Wien, Austria).

17 Usievicha St., apt. 3, Moscow, 125319, Russian Federation;

e-mail: sa_cantor@inbox.ru

WHAT SORT OF PERSON WAS FREUD? WAS HE A NICE GUY?

From the translator

Paul Roazen is a well-known American-Canadian political scientist, historian of philosophy and psychology, author of more than a dozen monographs and many articles, and publisher of materials on the history of the psychoanalytic movement and the biography of Sigmund Freud in the West. Roazen was the professor of social and political sciences, has taught at Harvard, Oxford, Chicago, Cambridge (USA), and Toronto (Canada) universities.

The content of this article is closely related to the most famous book by P. Rosen published in our country, “Freud and His Followers” (1976; translated by V. Starovoitov (2005)).

Anna Freud gave herself Roazen an access to the archives of the British Psychoanalytic Institute. Rosen touches on and explores the unsightly and rather painful aspects of Freud’s personal and scientific biography, as well as the relations between the psychoanalysts in his immediate circle. Practically the same is devoted to this article, on the basis of which P. Rosen made several reports at international conferences, one of which I listened to and received written permission to translate. The author’s approach to the emergence of psychoanalysis and the inclusion of world philosophical and political sources, even legal thought, among his sources is also innovative.

I met Paul at the 41st Congress of the International Psychoanalytic Association in Chile in 1999, met him later abroad, corresponded with him, received writings from him, and published a memoir of my meetings with him. In the circles of Western psychoanalysts,

P. Rosen had a reputation as a “counterverse” psychoanalytic author, of course, due to his lack of awe before the iconic figures of psychoanalysis, including Freud himself. In my memory, Paul remained a bright, harmonious, intellectually charming man, open to communication, with a sincere interest in any interlocutor. I will always remember him.

Keywords: psychoanalysis, Sigmund Freud, personality traits, cultural circle, unconscious, human nature, sinfulness, therapy, Anglo-American mentality, continental philosophy

References

1. Beauvoir, Simone de. *She Came to Stay*. London: Flamingo, 1984. 409 pp.
2. Freud, Sigmund. “Civilization and its Discontents”, in: Sigmund Freud, *The Standard Edition of the Complete Psychological Works*, Vol. XXI (1927–1931): The Future of an Illusion, Civilization and its Discontents and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930, pp. 57–146.
3. Freud, Sigmund. “Future of an Illusion”, in: Sigmund Freud, *The Standard Edition of the Complete Psychological Works*, Vol. XXI (1927–1931): The Future of an Illusion, Civilization and its Discontents and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930, pp. 1–56.
4. Freud, Sigmund. “Leonardo da Vinci and a Memory of his Childhood”, in: Sigmund Freud, *The Standard Edition of the Complete Psychological Works*, Vol. XI: Five Lectures on Psycho-Analysis, Leonardo da Vinci and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930, pp. 63–138.
5. Freud, Sigmund. “Why War?”, in: Sigmund Freud, *The Standard Edition of the Complete Psychological Works*, Vol. XXIII (1932–1936): New Introductory Lectures on Psycho-Analysis and Other Works. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930, pp. 196–218.
6. Freud, Sigmund. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works*, Vol. VIII (1905): Jokes and Their Relation to the Unconscious. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis; New York: Cape and Smith, 1930. ix+388 pp.
7. Jones, Ernest. *The Life and Work of Sigmund Freud*. N.Y.: Basic Books, 1957.
8. Roazen, Paul. “Nietzsche and Freud: Two Voices from the Underground”, *Psychohistory Review*, 1991, Vol. 19 (3), pp. 327–349.
9. Roazen, Paul. *Brother Animal: The Story of Freud and Tausk*. N.Y.: Knopf, 1969. xx+221 pp.
10. Roazen, Paul. *Freud and his Followers*. N.Y.: Knopf, 1975. 602 pp.
11. Rousseau, Jean-Jacques. *Political Writings*. N.Y.: Norton, 1988. 321 pp.
12. Rousseau, Jean-Jacques. *Reveries of the Solitary Walker*. London: Penguin, 1979. 160 pp.
13. Sabine, George Holland. *A History of Political Theory*. N.Y.: Henry Holt, 1950. 771 pp.
14. Solzhenitsyn, Alexander. *Lenin in Zürich*. N.Y.: Farrar Strauss & Girou, 1976. 309 pp.
15. *The Letters of Sigmund Freud*, ed. Ernst L. Freud. London: The Hogarth, 1961. 190 pp.
16. Wilson, Arthur W. *Diderot: The Testing Years*. N.Y.: Oxford University Press, 1957. 445 pp.